

Городской праздник с давних времен является желанным событием для горожан, но у него есть миссия значительно более фундаментальная, нежели развлечение. Можно предположить, что эта миссия связана с поиском возможных путей развития города и его культуры. В статье делается попытка обозначить возможный подход к восстановлению проектных смыслов праздника и наметить стратегию интерпретации роли архитектуры в этом процессе. Ключевые слова: городской праздник; проектность и проектирование; «театральность» в архитектуре и театрализация архитектуры; утопия; агора; событие; повседневность; ритуал; сакральное и профанное. /

A city celebration has been an event welcomed by urban dwellers for a long time, but it also has a more fundamental mission rather than entertainment. We can suppose that this mission is related to the search of possible ways of development of the city and its culture. The article presents a possible approach to restoration of design meanings of a celebration and outlines a strategy for interpretation of the role of architecture in this process.

Keywords: city celebration; projectivity and design; "theatricality" in architecture and theatricalization in architecture; utopia; agora; event; everyday life; ritual; the sacred and the profane.

Праздник как проектное событие городской среды / Celebration as a Design Event in the Urban Environment

Архитектура индифферентна к праздникам, равно как и к будням; она слишком долговечна для того, чтобы быть ситуативной. Она выше всех человеческих событий и сопровождающих их эмоциональных перепадов, она лишь предоставляет им вместилища. Город, тем более городская среда, напротив, живо и горячо откликаются на праздники, не остаются равнодушны к эмоциям, событиям, к потоку меняющихся ситуаций; ловят их и каким-то образом утилизируют, а затем возвращают, порождая новое, неизвестное, витальное и вирулентное. Праздник – это и есть возобновляемый опыт эмпатического переживания времени и пространства. Уроки Праздника, кажется, не менее значимы и потенциально плодотворны для урбаниста и архитектора, нежели другие известные уроки.

События и вещи

«Анри Бергсон называл беспорядок порядком, который мы не можем увидеть. Порядок, зарождающийся на Стрипе, – это сложный порядок. Это не элементарный строгий порядок проектов реконструкции городов или модного ныне "тотального дизайна", направленного на создание мегаструктур. Это скорее олицетворение противоположного вектора» [1, с. 77]. «Обыденное и безобразное» городского праздника, будучи однажды обнаружены и осознаны как «сложный порядок», как живое символическое пространство, наполненное говорящими формами и непустыми знаками, стало наиболее радикальной анти-тезой модернистскому немотствованию, а еще большей – идее архитектуры как чего-то вневременного, безличного и безадресного. Урок, увы, оказался плохо усвоен архитектурной профессией второй половины XX в., что само по себе не ново: столь же плохо были ею освоены уроки Утопии, опыт многочисленных провалов в попытках изобретения «языков архитектуры». Профессия, по определению, – дело самоуверенных. А для самоуверенности нет ничего лучше, чем простая, а не сложная, картина мира, простой порядок простых вещей.

Праздник ломает порядок вещей, перемешивает и остраивает их. Праздник незамкнут, его правила открыты. В отличие от классических ансамблей или модернистских композиций, праздник не ограничивает себя избранны-

ми телами, не проводит предварительный кастинг форм, не вводит фейсконтроль на входе. Всякий праздник есть в той или иной мере «праздник непослушания». Городской праздник для модернистов, действительно, безобразное, даже отвратительное происшествие – худшее, что может случиться с городом (война, даже ядерная, их не так пугала: свои постройки, вслед за Ф. Л. Райтом для Гуггенхайма, они умели приспособить под ее прогнозируемые требования). Оттого и праздники в модернистскую эру скукоживаются до пресных посиделок на кухне, а в модернистском альтер-эго, в ар-деко, вырождаются в марш-парады, в колонные шествия военных и спортсменов.

Архитектура обнаруживает неготовность ответить на зов Праздника. Вряд ли стоит ставить ей это в вину; не менее неадекватны также инженерия и дизайн, политика и юриспруденция, рациональный менеджмент и хозяйственный прагматизм. На то он и праздник, чтобы ставить все закосневающие практики с ног на голову. Но в случае с архитектурой обидно вдвойне: ведь именно она стояла у колыбели празднеств в ритуалов, она тысячелетиями умела вместить их в себя, а тут вдруг оказалась бесчувственной к рефлексии разрыва формы и содержания: вентурианская «сложность», «избыточность» от Кристофера Александера, «open-minded» Денизы Скотт-Браун – вся эта средовая и «праздничная» по духу проблематизация оказалась профессии не под силу. Разумеется, был сдвинут с пьедестала функционализм, были осмеяны куцые «пропедевтики», поставлены на должное место аскетические наборы геометрических форм – «калфавиты» катехизисов новой веры, заразившей в начале XX столетия весь просвещенный мир. Открытость начала боязливо заглядывать в огромные и тяжелые двери храма архитектуры. Но изменился и мир вокруг.

Событие городского праздника и во времена Франсуа Рабле было далеко от невинности, а его вещи и знаки уже тогда не были простыми сигнатурами, уже несли в себе двусмысленность, опережая качество всех знаков Нового времени, вскрытое Мишелем Фуко, – «злонамеренность» [2]. Тем более непроста ситуация «слабых» аполоний маргинальных функционализму состояний постструктуралистской и постмодернистской рефлексии – всех этих гетеротопий [3] и прочих аномалий пространства

text
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

^ Питер Брейгель Старший. Фламандские пословицы, или Мир вверх тормашками. 1559

^ Венецианский карнавал, 2019
«Идеальный город всегда существует внутри или под городом реальным, отличный от него как мир мысли от мира фактов». Г. Арган; цит. по: Данилова, И.Е. Итальянский город XV века, с. 73

и времени, пришедших в наше стремительное время на смену больших нарративов экстремального (а городской праздник, равно как и чумной карантин или военная осада, относился к таковым). Эта ситуация, случившаяся после всех мыслимых событий, после «оргии» истории (Ж. Бодрийяр и Ф. Фукуяма), оказалась внутренне опустошена, бессобытийна, но при этом донельзя перегружена содержаниями, которые она уже не в силах переварить. Закрытость вошла уже в плоть самих вещей; теперь мы вынуждены постоянно иметь дело с «хищными вещами века». Теперь программа, претендующая на возвращение к утраченным смыслам праздника, вынуждена быть пост-пост-невинной, насквозь артифицированной и артифицирующей, тотально и многожды рефлексивной, лукавой: «Программа <...> существовать в мире, созданном людьми, иначе говоря, жить внутри фантазии – <...> настолько амбициозна, что реализовать ее можно <...> только никогда ничего не формулируя в открытую» [4, с. 7].

Праздник и повседневность

Однако сама городская среда где-то в своей глубинной структуре – празднична. Можно считать такое суждение мещанским, но имеет право на жизнь и точка зрения (ее, в частности, высказал А. Г. Раппапорт), что мещанство и породило представление о городской среде, позволило осознать ее как ценность, а в дальнейшем отделить среду от города как предмета урбанизма, переживаемую чувственную реальность от абстрактно-идеальных действительностей планировочных схем и генпланов. Наконец, мещанство само есть праздничная (но не праздная) повседневность, наполненная разнообразными событиями и смыслами – пусть сентиментальными, но живыми. Это, конечно, не «радость труда», которую пели социалисты от У. Морриса до А. Гастева: это радость жизни, самоценная и самодостаточная. К ней можно относиться по-разному, но она первична, базисна: построенное на среде существенно отличается от построенного на идее нормирования, с равной эффективностью производящей как микрорайоны, так и концлагеря. Кстати, проблематика пресловутого «комфорта» в городской среде упирается именно в это парадигмальное различие:

имманентная и самодостаточная радость повседневного обитания не приемлет внешней квалиметрии, не измеряется и не создается ею.

В таком случае что есть в городской среде праздник? Если сам город, по словам Ф. Броделя, «как бы цезура, разрыв» [5, с. 509], то что такое разрыв в этой ткани повседневности, прерывающей несамоосознающее (unselfconscious) дление догородского существования? Что возникает в этой второй рефлексии, какие открытия свершаются там? Понятна роль праздника в условиях, когда он дает временную отдушину, иллюзию освобождения от тягот и мрака повседневного бытования и непосильных будних трудов; понятен бахтинский «карнавал», устраняющий привычные отношения и стереотипы, угнетающие население все остальное время. Но что происходит во время праздника в полноценной, слитой со своими обитателями среде, то есть «внутри» этой радости повседневного бытия?

Кристофер Александер, связывая проектное сознание с культурой «самоосознающей», видел его место в рефлексии над многообразием фактов повседневности. Факты («атомы», «единицы») осознанны и ценностно осмыслены, но они инертны, они не вступают во взаимодействие, не порождают новое. Вторая рефлексия приводит картину в движение, но с ней сопряжен и риск ошибок, и постоянный, растущий спрос на креативность [6]. Не похоже ли это на игру и праздник?

Артификация и рефлексия

Проектность праздника интуитивно известна всем, но она нетривиальна. Праздник артифицирует среду; он одновременно выявляет, делает выпуклыми имеющиеся в ней сущности, нередко остающиеся без должного критического внимания, но он же и генерирует новообразования известного, а то и приносит новое со стороны: чужое, воспринятое в игровой экзальтации, перестает быть чуждым, адаптируется. Смеховая культура, описанная М. М. Бахтиным, действует и здесь, она выполняет не только функции разрядки и социально-психологической компенсации, но проектные функции инкультурации: обновление, восполняющее целостность городского чувства, восстановление инновационных

> Альберт Шпеер. «Храм света», инсталляция из зенитных прожекторов. Организация пространства съезда НСДАП в Нюрнберге, 8 сентября 1936

«В том же городе, где расцвели первые представления о принципах буржуазной культуры, кинический реализм и городской юмор, достиг своего завершения мелкобуржуазный господский цинизм – в виде лишнего всякого юмора массового марша колонн, закончивших позже в военных могилах». П. Слотердаjk о Нюрнберге

потенциалов городской культуры, их встряска. Поэтому праздник городу необходим, он упраздняет отжившее, косное. Без праздника город умирает, становится холодным морфологическим подобием себя живого. Увы, такие изменения не попадают в поле наблюдения градостроителя, имеющего раг excellence дело с холодной морфологией. Но они видны культурологу, социологу и другим гуманитариям.

Праздник, как и артификация (своеобразная «возгонка» мышления и креативности) – условия существования городов. Вопрос лишь в периодичности и длительности: такие состояния непрерывно или просто долго длиться не могут; это не только разрушительно, но и непродуктивно. Развитие, как известно, осуществляется шагами, тактами поступательного движения. Отсюда – структурирующий время ритм, задающий мерность процессам повседневности.

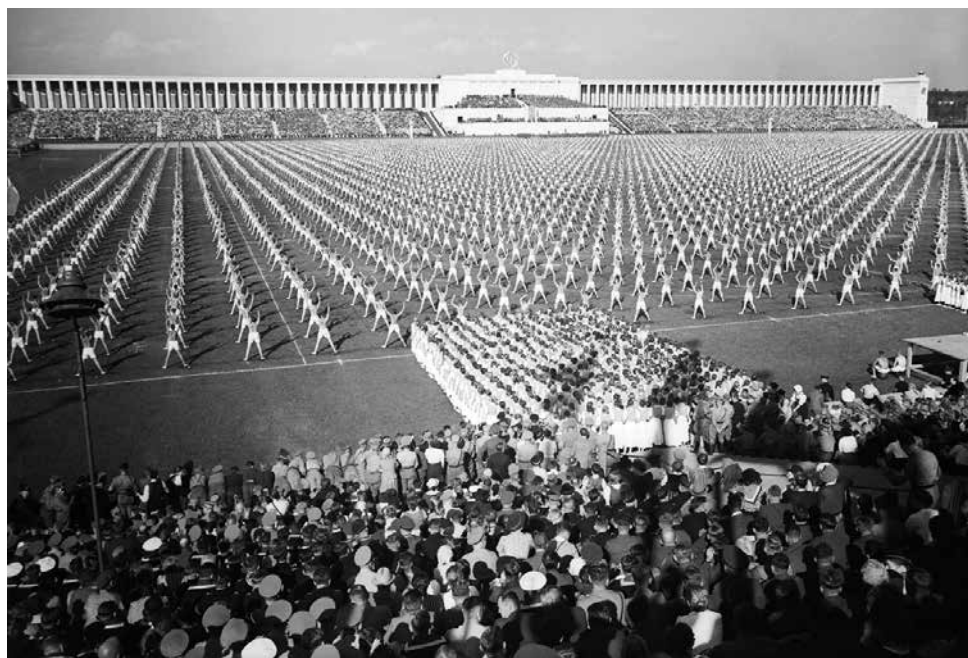
Хронотоп праздника парадоксальным образом и трансцендентен среде, и принадлежит ей. Праздник дает городу как бы дополнительное измерение, ставит перед ним зеркало (не страшно, если даже нарочито кривое – ведь его кривизна известна). Праздник подчеркивает, что никакая «комфортная» среда не вечна и не абсолютна, но так же несовершенны и все наши практики работы с городами. Какие бы задачи перед нами ни стояли, какие бы амбиции или ориентиры ни влекли нас, все они требуют переоценки, все должны быть взвешены на весах ироничного и критичного отношения к самим себе и наличествующему у нас инструментарию. Упования на некий «вечный» и не обсуждаемый профессионализм в преобразованиях города и городской среды, равно как и призывы к «усилению образования» для тех же целей выглядят на фоне обсуждаемого нами как наивный натурализм, как возврат в несомоосознающее состояние. Ведь всегда уместен вопрос: как называется подразумеваемая в таких упованиях профессия? Архитектура? Урбанизм? Урбанистика? Менеджмент? Или, быть может, «градостроительство»? Дело даже не в исторической случайности имен, нередко возникающих из идеологических авантюр по прихоти случая или по ошибке переводчика. Нет и не может быть профессионально (т. е. предметно и дисциплинарно) организованной деятельности, способ-

ной монополизировать реальность городского развития или способной иметь дело со всей полнотой феномена городской среды. Это принципиально полипредметные, межпрофессиональные и метадеятельностные реалии; в подходе к ним у архитектора есть, несомненно, известные предпочтения, но не более того. Праздник в городе – хорошее напоминание архитекторам о том, что городская среда вовсе не находится у них в кармане, а проектирование в ней и для нее – не следование нормам и стереотипам: оно требует сильной артифицирующей встряски и напряжения чувствительности, рефлексии и воображения. И иронии тоже.

Игра и агора

Если городская среда – феномен с префиксами меж- и мета-, то осмысленное действие с ней только одной профессии – архитекторов – не может не быть взаи-

в О спорт, мир ли ты?
День массовой гимнастики.
Нюрнберг, Германия,
8 сентября 1938

> Карнавал в Барселоне, февраль–март 2019. «Звезды, камни, деревья не могут научить его ничему. Он может научиться всему из одного лишь поведения людей в городе». Платон, «Федр», о «человеке агоры»

модействием также и со всеми иными деятельностями, предметами, ценностями, знаниями, установками... Не может не быть сознательно организованным диалогом. Сложность организации подобных диалогов известна, как и то, что, пожалуй, лучшей организационной формой их является игра. Организационно-деятельностные, стратегические и др. игровые формы коллективного взаимодействия сильны и эффективны, потому что в них действует процесс «распредмечивания» (Г. П. Щедровицкий сравнивал его с принятым в Тавистокском институте человеческих отношений термином «размораживание» [7, с. 139]): преодоления предметной или профессиональной ограниченности, раскрытие мышления и направление его не на дразги текущего момента, но на обретение видения совместного будущего. Он говорил: игра снимает «ведра с голов» (есть даже соответствующая схема, как это происходит). Игра разоблачает ложь и неправомерные конвенции (стереотипы, социальные мифы, клановые предубеждения, профессиональные поверья и пр.). Но карнавал также разоблачает и переодевает в иные одежды; всякий праздник раздевает обыденность, травестирует персонажей, в каждом празднике есть игра.

Игра и праздник объединяют людей, они предоставляют пространство и время для раскрытия нового, более высокого (или смехового низкого) и совершенного взгляда на дела и вещи, важные многим. Греческая агора демократических времен служила для того же: выходя на нее, свободные граждане полиса обсуждали вопросы и решали, как жить далее, что считать теперь благом, что злом, каков должен быть идеальный правитель, какими должны быть законы. В рефлексии этой общественно-политической практики Платон осуществил ход, который по праву можно считать протопроектным: в «Государстве», «Законах» и «Политике» он впервые обсуждает саму возможность сознательного полагания эйдоса. Нет никакой возможности обсуждать эйдос или форму (если по Аристотелю) медного изделия или каменной постройки в отрыве от материала (меди или камня), нет возможности помыслить форму в ремесле (в т. ч. зодчестве) как нечто творимое [8, с. 200–202], но помыслить идеальную форму полисного устройства, оказывается, можно: она не закреплена в повседневном

опыте, она виртуальна, дискутируема, открыта к доопределению и уточнению. Из текстов Платона вырастает великая традиция социально-политической утопии, без которой немислимо было бы возникновение и обособление того, что мы сегодня именуем проектированием [9].

Агора, игра и праздник – хронотопы городского самосознания, всякий раз определяющего себе границы, испытывающего их на прочность и проницаемость для иного; это организованные площадки коллективного городского трансцензуса, способного «захватить будущее» и объективировать его в управляемых и остранных формах – пока без «камней и меди», без конкретики «реализации», в «наброске», в чистой идее.

Карнавал и Утопия

М. М. Бахтин в «Рабле» отметил утопическую природу народного городского праздника, но не считал нужным развернуть эту догадку. Нам же она представляется ключевой, причем не в метафорическом смысле и вовсе не сопоставимой несбыточностью утопических грез и праздничных иллюзий, но в строгом техническом смысле: праздник, с его смеховыми и игровыми аспектами, как и утопия, с ее ненавязчивым и остранным дискурсом, являются первичными формами ценностного (не целевого!) осмысления возможного и желаемого будущего. И тем самым – его приближения. Бахтин и вовсе утверждает, что «только тысячами слагавшаяся могучая народная смеховая культура» дала опору для освобождения от морока средневековья и выхода европейского человечества в Ренессанс [10, с. 301] (*курсив мой – ПК*). Только благодаря сформированному ею «убеждению в необходимости и возможности радикальной смены и обновления всего существующего творцы Ренессанса и могли увидеть мир так, как они его видели» [10, с. 302]. Однако упомянутая тысячелетняя утопическая традиция способна поколебать эту категорическую монополию на визионерство. У утопии как кабинетного интеллектуального и литературного мудрствования вовсе не меньше прав на создание плацдармов осознания повседневности и полагания иного, лучшего мира, нежели у шумного и многолюдного площадного праздника, карнавала, которому Бахтин придавал смысл собирателя всех видов

< Салют в Омске. День города.
Технологизация праздника – неумолимый тренд. Последняя новинка – световые фигуры в небе из запрограммированных дронов – видимо, они придут на смену салютам или дополнят их. Пределом осмысленности этого тренда является, однако, вовсе не техническое совершенство, но эффект синергии горожан: пока он воспроизводится, праздник и город живы

народных празднеств, в т. ч. и отмирающих. Нельзя забывать, что такие плацдармы мысли и воображения были в чудовищном дефиците на протяжении долгих веков человеческой истории; принять этот факт избалованным разнообразными футурологиями, фантастикой, программированием развития, проектированием всего *et cetera* современникам совсем непросто. В ремесле – тотальной и предельной организационной форме деятельности до Нового времени – они были невозможны, запрещены религией, обществом (в норме) – отвергались, как и сама идея нового. По той же причине современным исследователям зачастую трудно осознать трансцендентальную природу праздника, за разнообразием богатой фактуры развлечений и увеселений увидеть приоткрываемую им дверь в Иное [11].

Утопия и Карнавал – две протопроектные формы мышления о возможном и привлекательном мире, если угодно – о «будущем». Объединяет их «необязательность» и заданная самим характером повествования/действия «сбивка фокуса», не дающая никакой возможности сосредоточить изображение ни на месте, ни на времени осуществления грезимого и обыгрываемого, что совсем не мешает остро переживать необычные условия, образы, отношения приоткрывающегося нового мира. Можно предполагать, что эти две формы не состояли в конкуренции, скорее они дополняли и подпитывали друг друга. Заметим: Рабле столь же активно и творчески использует жанр утопии, сколь Платон использовал жанр мифа, в т. ч. в описании вымышленных путешествий, чудных островов и миров-изолятов вроде Телемской обители [12].

Утопия – *par excellence* индивидуальная, авторская стратегия мышления, а карнавал – стихия коллективного «мыследействия». Но значимо не исходное различие, а достигнутое соединение: вероятно, утопическая рефлексия и гуманистическое понимание городского праздника позволили мыслителям и писателям европейского Возрождения парадоксально (и иронично) переосмыслить схоластические диспуты и развернуть новый тип полагания чистого замысла: это оказалось возможным сделать, опираясь на Платона, на инструментально преобразованную им роль мифа. До проектирования оставалось совсем недалеко.

Эликсиры и конденсаты

Событие и хронотоп выглядят почти синонимами: ведь всякое событие случается здесь и теперь, а всякий хронотоп событиен, иначе ему не удержать время и место в единстве; их соединяет лишь событие. Однако смыслы праздника в городе трансцендентны и месту, и времени, и самому городу; его коннотации преодолевают границы хронотопа, но при этом не отрываются от событийности, скорее пролонгируют ее, распространяют на иные времена и веи, влияют на город и городскую повседневность через память, посредством пространственных и вещных следов. Праздник, этот живительный эликсир среды, выплескивается за свои пределы – видимо оттого, что он очень востребован. Или востребован он именно по причине своей нелокальности; пусть он даже был сугубо местным праздником, став брендом, он меняет образ места, придает ему транстерриториальный масштаб. Закончившись, праздник не испаряется, но уходит в плоть города, в его смысловую ткань, накапливается через влияние на местную проектную культуру, хранящую все прохваты возможного, прошлого, виртуального. Все это, как и нереализованные проекты для этого города, и пресловутая «история его проектного освоения» – слои местной ноосферы, ее ощутимые сгустки, ждущие случая напомнить о себе, обязывающие принимать те, а не эти определенные решения. Города можно квалифицировать по мощности таких смысловых исторических отложений. Даниил Андреев использовал термин «эгрегор» – конденсат содержания места, становящийся самостоятельной сущностью и управляющей его эволюцией. Наиболее яркий пример описываемого нами из опыта последнего времени – история с проектными инициативами на месте Нижегородской ярмарки. Праздник – это регулярное и периодическое событие, преобразующее город едва ли не на всю его глубину, впечатывается в его поры и гуморы и не исчезает. Не один только Париж есть «праздник, который всегда с тобой».

Совсем иные конденсаты пел Яков Моисеевич Гинзбург, предлагавший поставить в центр проектировочного воображения функцию. Гинзбург довольно романтично понимал эту «функцию»: она сохраняла права самоопределения и требовала некоторых интеллектуальных

> Парад в Санкт-Петербурге во времена Павла I

усилий по ее объективации со стороны исследователя-проектировщика. Но с объективацией в истории архитектурного проектирования случился постыдный казус: она оказалась отождествлена с заранее готовыми типологиями зданий и сооружений: профессия тяготела к стабильности, ей были ни к чему открытые всем ветрам и потокам поиски процессов, событий или сущностей. Не до праздников: функционализм суть мир унылых будней.

Функция и Иное

Подозрения в постоянном присутствии рядом Иного – большего, нежели известный мир – относятся к вечным движущим импульсам возникновения всех мифологий, религий и эзотерик. Эти ощущения неизбежны, хотя мир прагматизма и позитивизма изо всех сил делает вид, что незнаком с ними. В то же время ничто, пожалуй, так не обнажает чувство присутствия Иного в архитектуре и особенно в городском пространстве, как... функционализм. Потуги функционализма все объяснить, все оправдать и все контролировать неизменно заканчиваются крахом, и крах этот сам может уже служить своеобразным театром – зрелищем разотождествления.

Город самопроизволен; в этом его фундаментальный смысл, причина его способности порождать новое. Комфорт, функциональность, всякая деловая серьезность городов легко обрушиваются вовнутрь самих себя, приводя к коммунальным катастрофам или бытовым драмам. «Функция» города выглядит чем-то вроде okazji, которую не преминет использовать прагматичный ум, не замечающий ничего иного, прежде всего – живых импульсов «нефункционального», на которых и паразитируют его уверенные шаги. Вместе с этими импульсами остаются не опознаны риски построения на зыбких песках, представляющихся надежными и устойчивыми основаниями.

Эта глубинная природа города, поселения, всякого «организованного пространства», а также и человеческого времени, оформляется ритуалом. Ритуал резонирует с импульсами и «толчками земли» (К. Кастанеда), структурирует их и переводит в организованности всего собственно человеческого. Ритуалы – в своем разнообразии – есть то, за счет чего происходит локализация Мышле-

ния, Деятельности, Духа, Чувства, овещствление надежд или страхов; это «уплотнение пространства», создающее место (а Место во многих языках и есть Город). Ритуальные пляски и козловождения, тавтология заклинаний и магических действий – древние квазиархитектурные способы «утапывания» места, его обживания, наполнения смыслами, персонификации. Ритуал родствен игре и театру, но в игре и театре проявляется уже рефлексия и связанные с ней мотивы отстранения – дистанции наблюдения, созерцания: становятся возможными эстетическое отношение, культ и культура. Мир уже может быть положен как объект культивирования и заботы.

Культивирование такого рода (и архитектура как его центральная практика), скрывающее свое мистериальное происхождение, лишь имеет в виду всякий возможный прагматизм и потребную функциональность; этого более чем достаточно для их удовлетворения. Когда же эти поверхностные эффекты начинают застилать глаза, занимать сакральное место, тогда рвется и без того тонкая связь с истоками. К счастью, шабаш низкого недолог, и начинается возврат к истокам: сегодня мы переживаем именно такое состояние.

А карнавал – парадоксальное средство выбить клин клином. Он доводит до гротеска «шабаш низкого», отрицает его смехом, осуществляет инверсию верха и низа (в амбивалентной карнавальной топике сделать это нетрудно), избавляет прагматическое сознание от иллюзии устойчивости. Карнавал, при внимательном рассмотрении, не противостоит функциональности: он гипер- или метафункционален; тем самым он и способен приоткрывать двери в Иное.

Сакральное и профанное

«Это священная игра, необходимая для блага общества, чреватая космическим провидением и социальной перспективой, но она всегда остается игрой, деятельностью, которая, как это понимал Платон, совершается вне и над трезвым житейским морем повседневных нужд и серьезности», – писал Йохан Хейзинга в «Homo ludens» [13, с. 39–39]. Но так ли трезва, так ли серьезна сама архитектура везде и всегда?! Скорее напротив: начавшись с легендарных дионисийских архитекторов, она и донныне

< Декабристы сумели объединить в одном перформансе плац-парад, майдан и зрелище для бедных. Санкт-Петербург, 14 (26) декабря 1825

не протрезвела, она готова увлечься всяким соблазном, сместиться в Иное, причем всем своим корпусом, без остатка, и перипетии XX века в полной мере о том свидетельствуют [14].

Здесь мы имеем дело с непреложностью Иного: существуя не здесь и не теперь, оно может быть разыграно в нашем здесь и теперь, войти в плоть Dasein, причем войти даже не как виртуальное или грезимое, но чувственно-игровым образом – как непосредственно переживаемое (а следуя Бахтину и Рабле, и как телесное: не зря столько внимания уделено телесному низу!). Есть – говорит нам городской праздник – весомый, внятный императив игрового и «несерьезного»; он сомасштабен реалиям повседневного дления городской жизни, всем этим не в меру самоуверенным и нарочитым серьезничаниям «здорового смысла»; он даже, на поверку, не противостоит им: он ничуть не уступает по реалистичности вещам и фактам, а по фактурности и экспрессии намного их превосходит. Но говорит он не о наличном, его сообщения не прагматичны и далеки от ползучей эмпирии. Праздник никогда не скажет словами педанта Л. Кана: «Знание – это то, что вы извлекаете из вещей, которые уже существуют». О нет! Из несуществующих вещей и событий (или уж: из существующих в особенным образом организованном хронотопе) извлекается гораздо более существенное – то, что влечет, к чему стоит стремиться, о чем мечтать или хотя бы о чем шутить.

Профанное и сакральное в городском празднике не только неразличимы: в нем они соединяются в Одно, которое, раз возникнув, способно существовать и в буднях. Праздник есть способ существования симбиотических тел, в котором симбиоз уже почти не виден, а целенаправленно организованный синтез уступает права игровому персонажу – его величеству Синкрету, этому травестирированному и осмеиваемому королю всех карнавалов.

Описываемое нами может показаться жестким или даже циничным. Но что еще можно ожидать от цивилизации, глубоко травмированной утратой всего синкретичного? Она регулярно восполняет свою травму в ритуалах идентичности, ставших календарными датами, превращенных в обязанность бюджетных трат, с вме-

ненной в норму веселостью, забыв, к чему, собственно, идентичность восстанавливается. Праздник сегодня действует по привычке – то есть ритуальным, едва ли не формальным образом.

Симулякры и эрзацы

Это исчерпание трансцендентальных ресурсов городского праздника – наиболее тревожная и печальная тенденция последних времен. Празднику сильно навредили как официоз колонных маршей и парадов, так и уличные протесты, майданы, переводящие игру в экстагическое разрушение настоящего. И у того, и у другого подозрительно много праздничных черт, их хронотопы сильны; они заметно (ненадолго, но с долгим «послевкусием») трансформируют среду или пространство. Изуродованный беспорядками город впечатляет не меньше зрелищ, вроде устроенного А. Шпеером светового шоу в Нюрнберге. Но за всем этим стоит не игра и не веселье, а война и смерть. Й. Хейзинга поставил под сомнение сохранение современной войной игрового характера, присущего ей в древности. Война и спорт в античности потому и были взаимозаменяемы, что представляли собой два различных вида ристалища. Похоже, на наших глазах и спорт теряет игровое содержание, превращаясь в циничный бизнес, химические махинации и политические разборки. Игра становится редкостью, для ее культивирования уже приходится строить специально и сложно организованные гнездовья, применяя всю мощь методологического и игротехнического инструментария.

Партийное увеселение в духе факельных шествий в масках, равно как и разгром городских площадей и улиц обывателями, являют темную сторону города, его ожившее и зашевелившееся хтоническое подполье. При очевидном различии это – две стороны одной и той гипертрофированной самопрезентации одной части городской жизни в ущерб всем остальным. Ничем не отличается от вышеописанных и ЛГБТ-парад. Мрачного карнавализма в нем хватает, однако было бы ошибкой принимать его за специфически окрашенную проектность. Здесь не открываются позитивные просторы, нет утвердительности и созидательности; оттого нет и подлинного смеха. Это – утомительные и монотонные

симуляции праздника, его выморочные имитации, лишенные проектности.

На место городского праздника способны прийти эрзацы. Выхолащивание праздника, его излишняя опека, а тем более внедрение праздников-клонов и праздников-симулякров, разрушительны для форм городского воображения. Травмированное же воображение, редуцированное и сведенное к популярным штампам или к утвержденным свыше фигурам идентичности, медленно, но неуклонно сжимает пространство возможного, извращает сферу желаний и целей, сокращает число «степеней свободы» городского организма. В таком пространстве не может полноценно существовать проектная культура: ее конфигурации вытягиваются узкую направленную линию – в луч, ведущий к безальтернативно правильному «будущему». Описываемое совсем не плохо для архитектуры, которая, как заметил Дж. Оруэлл, процветает и при тоталитариях. Но нельзя забывать: архитектура и городская реальность (т. е., собственно, среда) не совпадают.

в Театрализация способна достигать вершин местной идентичности, но с ней связана иная крайность: гротеск анахронизма. Вероятно, эта крайность и сгубила в своё время так называемый русский стиль в эклектике XIX столетия

Точно так же губительно для среды инфицирование ее вымышленным в бюрократической тиши нормативным «комфортом». Ярко раскрашенные «пилули» типовых детских площадок не спасают положения, ибо и они суть симулякры радости и веселья. Непонимание обсуждаемого со стороны тех, кто мог бы и должен был все это понимать, есть, разумеется, результат ослабления гуманитарной, а вслед за ней проектной и управленческой культуры. Но в центре всякого понимания стоит персональный жизненный опыт горожанина и его рефлексия – и то, и другое столетиями оттачивалось феноменом городского праздника, а с его ослаблением начало меркнуть и опроцаться.

Соучастие и зрелище

Медленное, но неуклонное ослабление роли праздника в городе начинается с Нового времени. Живое, телесное соучастие всех горожан в тотальном-на-время событии, в котором они и заложники, и акторы хронотопа, понемногу замещается безопасной бинарной картинкой театра, в котором есть лицедеи и зрители: хронотоп оказывается расколот, а увидеть можно лишь то, что вам покажут. Превращение мира в «картину» и человека в субъекта внутри сущего есть, по Хайдеггеру, один и тот же процесс новоевропейской истории. Заметим, что картинное восприятие мира, невозможное, как подчеркивал М. Хайдеггер, для античной Греции, не присуще и архитектуре той же эпохи. Но оно находит себе и сторонников, и оправдание в Новое время (ортогональное проецирование, перспектива, репрезентативные гравюры Э.-Л. Булле и К.-Н. Леду, Паноптикон Иеремии Бенетама, «фасадность» классицизирующих неостилей и пр.). Зрение и зрелищность помещаются в центр этого нового мира, что предельно наглядно воплощено в известной гравюре Леду с театром Безансона в зрачке. Картинность, разумеется, непосредственно связана со становлением в эту эпоху архитектурного проектирования, т. е. проектного (проецирующего) и модельного метода работы, ставшего наиболее полным и последовательным институтом «представляющего мышления» (разумеется, не столько в смысле представления-шоу, но полагающего

мышления, ставящего перед собой картины желаемого и кладущего в мир приближающие его артефакты).

Вместе с тем начинается то, что принято именовать театрализацией архитектуры. Здесь представление-шоу вступает в свои права. Не будет преувеличением сказать, что история театрализации архитектуры совпадает с историей проектных изображений, начиная с урбинских ведут или ортогональных проекций, вводимых в качестве нормы Л.-Б. Альберти. Новая страница этой истории – бурный всплеск масс-медиа и отмирание коллективного праздника, компьютерные игры и связанный с ними индивидуализм. Последний, казалось бы, преодолевается в т. н. совместных играх, но и они остаются вдали от феномена со – бытия, то есть их повествования отнюдь не переходят в коллективные деяния, не достигают перформативности.

Однако история проектирования – отдельная тема и большая проблема, в которой мы отметим лишь тот факт, что она развертывается в новоевропейской истории благодаря эксплуатации вековых ресурсов архитектуры, но также, видимо, и за счет исчерпания собственной, имманентной проектности городов. Заметим: интерес к городской среде лишь по сопричастности был «анти-профессиональным» для архитекторов, как было принято считать еще лет тридцать назад и о чем сегодня многие забыли (а молодежь и не знает). Среда не враждебна архитектуре уже потому, что у городской среды и архитектурной традиции один всепроницающий конкурент, давно схвативший их мягко, но не необоримой хваткой – рационализм и объективизм «вмывает» из городов проектность; им теперь для развития требуется внешнее проектирование. Но точно так же оно лишает архитектуру ее исконной ритуальности и событийности (или, если угодно, «театральности»); ей становится потребна театрализация, это искусственное средство восстановления жизнеподобия.

Архитектура и Среда

«Пиршество зрения», востребованное рыночной культурой зрелища, обеспечивается не «стихийным творчеством масс», давно монополизированным идеологиями и сер-

висами, и отнюдь не глубинной и имманентной архитектурной способностью к организации устойчивых структур событий, значимых для человеческой жизни в архаическом и даже еще средневековом обществе – то есть отнюдь не архитектурной «театральностью» (об этом см.: [15]). Этот новый, все растущий запрос удовлетворяется заимствованными средствами из самых различных источников, среди которых собственно театр – лишь первый по частоте отсылки и по метафорической сопричастности к собираемому образу таких источников.

«Театр» в процессах театрализации – не более чем метафора. Она не запрещает прямой перенос художественных средств или композиционных принципов из арсенала театрального искусства или сценографии, но вовсе не указывает на некий неисчерпаемый кладезь, в котором хранятся и ждут использования готовые заранее средства или инструменты рационально спланированного процесса. Театрализация, реально протекающая в архитектуре с Нового времени, не является чьим-то проектным замыслом или хозяйственной программой в актуальной среде и культуре в целом. Хайдеггер сказал бы, что это «судьба бытия» – праздничная и оживленная по видимости, но невеселая по сути.

Она не является результатом чьего бы то ни было идейно-художественного вредительства (хотя нередко и наносит эстетический вред); она (видимо) не проводится как политика, но реализуется как конвенция, по умолчанию. Ее реализация не выглядит сколь-либо последовательно и непротиворечиво; ее конвенция свободна как от монотонности воплощения, так и от позитивности внедрения. В каких-то случаях она носит даже защитный характер в отношении диктата коммодифицирующей визуальности. Театрализация – базовый процесс безличного дискурса власти зрелища, а потому в рефлексивном, игровом понимании – своеобразная защита от их иссушающей власти.

Круг замкнулся: сегодня архитектура, сознательно культивирующая театрализацию, может вернуть городам некоторую часть утраченной ими праздничной средовой проектности. Для этого, разумеется, архитектуре придется преодолеть столь свойственные ей чванство, элитаризм и персонализм, но опасаться ущерба достоинству

^ Ключевым вопросом остается местная подлинность традиции праздника. Когда его идеи всеобщие, космополитичны, праздник перестает быть ресурсом локального развития, становится туристическим аттракционом. Увы, технологии брендинга нередко ведут к этому

< Москве 869 лет. День города на Красной площади

или авторитету архитектуры при этом не стоит; сегодня освобождение от идолов профессионального самомнения выступает едва ли не единственным путем обретения новых, а также и восстановления забытых древних возможностей. И разве не этому учит традиция городского праздника, со смехом расстающегося со всякой предвзятостью и ограниченностью?

Литература

1. Вентури, Р., Скотт Браун, Д., Айзенур, С. Уроки Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурной формы. – Москва : Strelka Press, 2015. – 212 с.
2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – 406 с.
3. Фуко, М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. – 2008. – № 19. – С. 171–179
4. Колхас, Р. Нью-Йорк вне себя: Ретроактивный манифест Манхэттена. – Москва : Strelka Press, 2013. – 336 с.
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – Москва : Прогресс, 1989. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 622 с.
6. Alexander C. Notes on the Synthesis of Form. – Harvard Univ. Press, 1964. – 216 p.
7. Щедровицкий, Г. П. Схема мыслительности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. – Москва : Наука, 1987. – С. 124–146. – URL: <http://skachate.ru/filosofiya/18078/index.html> (дата обращения: 10.01.2020)
8. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. Аристотель. Метафизика. – М. : Мысль, 1976. – С. 63–448
9. Капустин, П. В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть III. Изображая утопию // Архитектон: известия вузов. – 2012. – № 1 (37). – URL: http://archvuz.ru/2012_1/1/ (также см. части I, II и IV) (дата обращения: 10.01.2020)
10. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва : Худож. лит., 1990. – 543 с.
11. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. – Ленинград : Искусство, 1988. – 215 с.
12. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – Москва : Правда, 1981. – 560 с.
13. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс, 1992. – 464 с.
14. Капустин, П. В. «Антиархитектура» – Проектирование – Среда: «Отсутствующее» и его отражения // Сборник научных трудов и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях «Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии» / Сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 52–57
15. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – № 56. – 2018. – С. 52–58

References

- Alexander, C. (1964). Notes on the Synthesis of Form. Harvard Univ. Press.
- Aristotle (1976). Metaphysics. In Aristotel. Sochineniya v 4-kh tomakh, (Vol. 1, pp. 63-448).
- Bakhtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovia i Rennsansa [François

Rabelais's creative activity and national culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit.

Brodel, F. (1989). Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv [Material civilization, economics and capitalism. XV-XVIII centuries]. Vol. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Press.

Foucault, M. (1994). Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things: archeology of the humanities]. Saint Petersburg: A-cad.

Foucault, M. (2008). Drugie prostranstva. Geterotopii [Other spaces. Heterotopias]. Project International, 19, 171-179.

Huizinga, J. (1992). Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shadow of tomorrow] (G. M. Tavrizyan, Trans.). Moscow: Progress.

Kapustin, P. V. (2012). Utopiya v evolyutsii arkhitekturnogo proektirovaniya [Utopia in the evolution of architectural design]. Part III. Izobrazhaya utopiuyu. Architecton: izvestiya vuzov, 1(37). Retrieved January 10, 2020 from http://archvuz.ru/2012_1/1/

Kapustin, P. V. (2017). "Arkhitektura" – Proektirovanie – Sreda: "Otsutstvuyushchee" i ego otrazheniya ["Architecture" – Design – Environment: The "Missing" and its reflections]. In I. A. Dobritsyna (Ed.), Sbornik nauchnykh trudov i dokladov na Devyatikh i Desyatikh Ikonnikovykh chteniyakh "Voprosy teorii arkhitektury. Arkhitektura: sovremenniy opyt professionalnoi samorefleksii". Moscow: LENAND.

Kapustin, P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of Theatricalization in the Urban Interior. Project Baikal, 15(56), 52-58. doi:10.7480/projectbaikal.56.1321

Koolhaas, R. (2013). Nyu-York vne sebya: Retroaktivnyi manifest Manhettena [Delirious New York: a retroactive manifesto for Manhattan]. Moscow: Strelka press.

Nekrylova, A. F. (1988). Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uvесeleniya i zrelishta: Konets XVIII – nachalo XX veka [Russian national city holidays, entertainments and spectacles: Late XVIII – early XX centuries]. Leningrad: Iskustvo.

Rabelais, F. (1981). Gargantua i Pantagruel [Gargantua and Pantagruel]. Moscow: Pravda.

Shchedrovitsky, G. P. (1987). Skhema mysledyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержание [A mental activity scheme – a system and structural framework, meaning and content]. In Sistemnye issledovaniya, Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik, 1986 (pp. 124-146). Moscow: Nauka. Retrieved January 10, 2020 from <http://skachate.ru/filosofiya/18078/index.html>

Ventury, R., Scott Brown, D., & Eisenur, S. (2015). Uroki Las-Vegasa: zabytyi simbolizm arkhitekturnoi formy [Lessons of Las Vegas: forgotten symbolism of the architectural form]. Moscow: Strelka Press.